

—

В третьем месяце наступили весенние холода.

Дождь заунывно моросил уже три-пять дней, и погода снова стала промозглой.

Шужуй поднялся рано утром, дрожа от холода. Небо снаружи еще совсем не посветлело, но он не смел медлить.

Ловко накинув поверх простой холщовой одежды серо-белую ватную куртку и наскоро умывшись, он направился к главному дому.

Под карнизом мерно капала дождевая вода, на рассвете уже несколько раз прокричали петухи. Он простоял в комнате время горения одной палочки благовоний, прежде чем из внутренних покоев вышла женщина в подбитой мехом синей накидке.

Женщина была статной, с мягкой, нежной кожей — весьма недурна собой. Вот только казалось, что ночью она не выспалась: под глазами залегли тени, а из-за отсутствия пудры на лице она выглядела несколько изнуренной.

Увидев её, Шужуй смиренно опустил глаза и позвал: «Тётушка».

Цзян-ши* под его робким взглядом чинно уселась и не спеша отхлебнула теплого чая.

[*Обращение Цзян-ши, Лю-ши и т.п. — это традиционное китайское обращение, используемое для замужних женщин. Ши (氏) — это суффикс, который буквально означает «клан», «род». Это обращение используется для идентификации женщины по её девичьей фамилии, даже после того, как она вышла замуж, перевести можно примерно как «из семьи Цзян».]

Лишь спустя мгновение она заговорила:

— Я позвала тебя к себе этим утром не по какому-то пустяковому делу, а просто подумала, что ты, в конце концов, уже вырос, и тебе пора прислушаться к некоторым советам.

Она не предложила Шужую сесть и, помолчав, продолжила:

— Сейчас тебе восемнадцать, самое время обсуждать брак и создание семьи. Твой дядя при жизни любил тебя больше всех; он не раз и не два говорил мне, что в будущем нужно подыскать тебе хорошую партию. Да только не было у него счастья — ушел внезапно, не успев всё для тебя устроить, так и покинул нас в спешке.

Сидя на стуле с мягкой подушкой, Цзян-ши при упоминании покойного мужа не удержалась — достала платок и промокнула уголки глаз. Глаза её увлажнились, и на душе стало так же сыро, как на улице.

Однако, скорбь скорбью, но о важном деле она не забыла. Из-за края платка пара её пронизательных глаз метнулась к стоящему перед ней маленькому геру.

Белое лицо, правильные черты — он был неуловимо похож на её покойного мужа. Говорят, что племянники часто похожи на дядей, и это была чистая правда. Вот только глядя на это красивое лицо, она не чувствовала жалости из уважения к памяти мужа, напротив — он ей

скорее не нравился.

Она видела, как он стоит, переплетя пальцы рук и слегка склонив голову — само воплощение покорности и робости, которое так легко подчинить своей воле.

Убрав платок, она продолжила:

— Хоть дяди твоего больше нет, но я, твоя тётя, всё еще здесь. Его предсмертное желание я обязательно исполню за него.

Шужуй всё это время молча слушал речи тётушки, не проронив ни слова. С тех пор как дядя ушел из жизни, он понял, что лишился опоры в этом доме. Тётушка никогда его не любила, и теперь, когда его некому было защитить, она наверняка стала бы искать в нем изъяны. Но после смерти дяди он стал еще более осторожным в словах и поступках, полагая, что не дает никакого повода для упреков.

Он только не ожидал, что тётушка решит просто выставить его вон. С тех пор как дядя скончался, прошел всего год.

— На днях к нам заходила сваха. Рассказывала о господине У из города — том самом, что торгует кожей, тканями и атласом. Его фулан ушел из жизни уже три года назад. Господин У — человек глубоких чувств, он искренне хотел хранить верность покойному супругу. Но что поделать: семья большая, хозяйство огромное, одному за всем не уследить. Родные уговорили его, и только тогда он согласился поискать добропорядочного человека, который помог бы присматривать за домом.

— Тебе несказанно повезло. У этого господина У высокие требования: сваха ходила к нему много раз, но никто не приходился ему по сердцу, а на тебе его взор остановился.

Услышав это, Шужуй невольно поднял глаза на сидящую в кресле женщину. Он и не надеялся, что тётушка подберет ему достойную партию, но не думал, что она захочет отдать его господину У.

Действительно, у господина У в городе была известная лавка по обработке и продаже кожи, и дом у него был отстроен большой и просторный; поговаривали, что у него есть дела и в уездном, и в префектурном городах, и его семья обладает значительным состоянием. Но ведь господину У уже перевалило за сорок, ему почти пятьдесят лет!

К тому же Шужуй давно слышал, что этот человек был похотливым и аморальным — раньше к его дверям даже приходили скандалить люди из весёлых кварталов. Где же тут то благородство, о котором рассказывала тётушка? Как можно идти в такое волчье логово?

Шужуй сказал:

— Тётушка так заботится обо мне, мне не следовало бы снова расстраивать вас. Но дядя ушел совсем недавно, при жизни он был ко мне бесконечно добр, и я хотел бы соблюсти по нему траур еще два года, а уж потом говорить о замужестве...

Услышав такой ответ, Цзян-ши нахмурила тонкие брови.

— Я знаю о твоём сыновнем почтении, но брак сейчас — твоё самое важное дело. Если ты из-за траура по дяде упустишь главное событие в жизни, боюсь, твоему дяде и в загробном мире не будет покоя. Такое хорошее место, как дом семьи У — редкая удача. Только когда твоя

дальнейшая жизнь будет устроена, твой дядя успокоится.

Шужуй всё прекрасно понимал и не желал попадаться в ловушку:

— Тётушка говорит верно, хорошую партию найти трудно. Но ведь старший второй брат еще не обручен. Я младше его, а порядок требует соблюдения старшинства. Как я могу идти впереди второго брата? Раз подвернулась такая хорошая семья, тётушке стоит сначала подумать о втором брате.

Голос Шужуя был мягким, а вид — крайне почтительным. Но Цзян-ши, услышав это, ощутила ярость от того, что её планы раскусили. Она сменила тон:

— О делах твоего второго брата не тебе заботиться! Старшие стараются ради твоего блага, подыскивают брак, а ты еще смеешь привередничать и выбирать!

Шужуй тихо ответил:

— Это не придирки племянника. Просто дядя только что ушел, и у меня нет сердца для замужества. Надеюсь, тётушка пойдет навстречу моему сыновнему долгу.

Видя, как Шужуй отпирается и увिलивает, Цзян-ши пришла в крайнее недовольство и сорвалась на крик:

— Когда тебе было семь лет и твои родители погибли, твой дядя взял тебя в дом и растил как родного сына, даже больше баловал, чем твоих старшего и второго братьев! Теперь твоего дяди нет, опора дома рухнула, времена уже не те, что прежде — мы больше не можем тебя содержать! Если ты действительно хочешь проявить почтение, то должен покорно выйти замуж, чтобы не пропали даром все те годы, что дядя тебя растил!

От этих слов у Шужуя болезненно сжалось сердце. Цзян-ши снова заговорила о долге за воспитание — значит, она впала в ярость от бессилия. Долг за воспитание тяготел над ним как огромная гора; как бы он ни спорил в этом деле, его всегда могли обвинить в неблагодарности. За эти годы он уже привык к такому, поэтому просто замолчал.

— Ладно, ступай.

Видя, что Шужуй затих, Цзян-ши нетерпеливо махнула рукой. Она позвала его, чтобы поставить перед фактом, а не слушать, согласен он или нет.

Шужуй промолчал, отвесил поклон и вышел из комнаты Цзян-ши.

Дождь снаружи так и не прекратился. Серый туман стоял плотной стеной, и молодые почки, только что проклюнувшиеся в саду, едва виднелись в этой дымке.

Вернувшись в свою комнату, он почувствовал, что здесь стало гораздо холоднее, чем когда он уходил. Обдумывая произошедшее, он понимал: что-то здесь не так. С чего вдруг тётушка внезапно решила выдать его за господина У?

Даже если верить её словам о том, что дядя был опорой дома и вся семья жила за счет доходов от его частной школы, и теперь, когда школа закрылась, доходы семьи сократились — всё равно не сходилось. Семья Бай долгие годы жила не только школой. У них было много земли, они считались уважаемыми местными землевладельцами, и их достаток не мог быть настолько скудным, чтобы они не могли прожить.

Раньше, когда дядя был жив, семья У пыталась завести с ними знакомство, но дядя считал этого человека непорядочным и не желал с ним сближаться. Какие бы дорогие подарки ни присылала семья У на праздники, дядя никогда их не принимал. И домашним строго-настрого запретил брать подарки от семьи У.

Тётушка не могла об этом не знать. И вот теперь, когда дядя не пробыл в могиле и года, она не просто начала общаться с семьей У, но даже захотела породниться.

Шужуй не мог усидеть на месте. Он порылся в шкафу, нашел нефритовую заколку в виде стебля бамбука и, стиснув зубы, вышел из дома. Он пошел караулить у кухни матушку Ли, которая прислуживала в покоях Цзян-ши.

Слуги, работающие у Цзян-ши, могли и промолчать, но у второго сына матушки Ли скоро свадьба, и в последнее время у неё наверняка было туго с деньгами. Цзян-ши никогда не отличалась щедростью, и слуги в доме втайне поговаривали о её скупости. Если подмаслить дело серебром, матушка Ли, глядишь, и заговорит.

Старуха несла жаровню с горячими углями, которые только что выгребла из печи. В деревне было холодно, а из-за затяжного весеннего дождя кости у старых людей ныли от мороза. Она отнесла обед Цзян-ши и теперь выкроила минутку, чтобы погреться.

Выйдя из кухни, она неожиданно увидела ждущего её Шужуя.

— Жуй-гер, почему ты здесь? Неужто пришел на кухню что-нибудь подогреть? — матушка Ли была вполне вежлива. Хотя она знала, что Цзян-ши недолюбливает Шужуя, господин Бай при жизни души в нем не чаял. Да и сам юноша был со всеми ласков, умел готовить отменные супы и частенько угощал их, так что слуги не чинили ему препятствий.

— Слышал я, что в доме матушки Ли радостное событие. В эти дни холодно, я редко выхожу из комнаты, так что не было случая поздравить матушку Ли.

Услышав это, матушка Ли просияла:

— Пустяки, а Жуй-гер всё помнит.

Шужуй продолжил:

— Свадьба — важнейшее событие в жизни. Второй сын матушки Ли — человек выдающийся, наверняка нашел в жены добродетельную девушку из хорошей семьи. Будут вдвоем почитать матушку Ли, и станете вы в будущем жить в полном довольстве.

Матушка Ли расплылась в улыбке. Какой родитель не обрадуется похвале в адрес своего ребенка? В старости только и остается, что надеяться на счастье детей и внуков.

Видя это, Шужуй огляделся по сторонам и, убедившись, что никого нет, сунул заколку матушке Ли.

— К такому большому празднику у меня нет другого подарка, так что прошу матушку не брезговать моим скромным подношением.

Ладонь матушки Ли ощутила холодок. Опустив взгляд, она увидела отличную белую нефритовую заколку. В её старых глазах вспыхнул восторг. Такая заколка из чистого нефрита, хоть и простой работы, стоила не меньше одного-двух гуаней. Она много лет служила Цзян-ши,

но никогда не получала такой ценной вещи.

[*Гуань (貫, guàn) – связка медных монет, которая использовалась в качестве стандартной денежной единицы, номиналом 1000 вэней (медных монет), что эквивалентно 1 лян серебра.]

В последние дни слуги один за другим приносили ей подарки, и только Цзян-ши, её госпожа, прикинулась глухой и немой, будто ничего не знает. У матушки Ли из-за свадебных расходов денег было в обрез. Видя, что Цзян-ши не спешит проявлять щедрость, она сама рассказала ей о радости второго сына. И что же? Цзян-ши наговорила кучу красивых слов, а в награду выдала всего двадцать монет. Даже девчонка-служанка, которая следила за огнем и выполняла разные поручения по дому, и та подарила пять монет!

По сравнению с этим подарок Шужуя выглядел невероятно щедрым. Она сразу смекнула, что Жуй-гер хочет о чем-то попросить. Сжимая заколку, она тихо проговорила:

— Жуй-гер, подарок слишком дорогой, как можно... Я никак не могу его принять. Тебе ведь самому скоро вступить в семью, оставь лучше себе на приданое.

Шужуй видел, что хоть матушка Ли и говорит так, вещь она назад не отдает, а, напротив, бережно держит в руках. Значит, он не ошибся. Он мягко улыбнулся:

— Дорогому подарку есть своя причина. Матушка Ли его заслужила.

Старуха спросила:

— Уж не случилось ли чего у гера?

— Не скрою от матушки: сегодня тётушка позвала меня к себе, и вы наверняка знаете, по какому делу, — Шужуй понизил голос. — Дяди больше нет, и заботы о моем браке легли на плечи тётушки. Я безмерно благодарен ей за то, что она выбрала мне семью. Вот только в голове у меня путаница: дядя при жизни не жаловал семью У, почему же тётушка теперь решила с ними породниться?

Матушка Ли на мгновение замолчала. Она втайне догадывалась, что Шужуй пришел к ней именно из-за сватовства семьи У. И хотя ей порой было жаль юношу, она всё же служила Цзян-ши и не хотела во всё это ввязываться.

Заметив это, Шужуй слегка придержал матушку Ли за руку:

— Я понимаю, что вам неловко, и не прошу вас делать что-то для меня. Я лишь хочу знать причину, чтобы понимать, как мне вести себя в будущем.

Закончив, он снова опустил глаза с печальным видом:

— Скажу прямо: дядя ушел, и в этом доме я...

Он не договорил, лишь добавил:

— Раньше матушка Ли жалела меня, потому я и решился сказать то, что не осмелился бы сказать другим.

— Гер так говорит, что у меня прямо сердце не на месте, — матушка Ли тоже изобразила печаль.

Шужуй воспользовался моментом и снова пододвинул заколку к её рукаву:

— Позвольте мне просто во всём разобраться. Возьмите эту заколку как украшение для невесты второго сына, разве это не будет добрым знаком?

Матушка Ли заколебалась. Она не была из тех, кто до безумия жаден до денег, но свадьба второго сына была на носу, и деньги ей были нужны позарез. Как можно отказаться от того, что само идет в руки?

Помедлив, она огляделась по сторонам и затащила Шужуя в комнату.

— В день похорон господина хозяин У приходил выразить почтение. На поминальном пиру господин У с первого взгляда заметил тебя. Тогда он промолчал, а на днях прислал в дом несколько сундуков с подношениями и всё объяснил госпоже.

Матушка Ли уселась на кан*, поджав ноги:

— Госпожа сначала не хотела соглашаться, ведь господин при жизни не выносил семью У. Но на сей раз этот господин У был крайне искренен, он во что бы то ни стало хотел породниться с нашей семьей.

[*Кан — это традиционная китайская система отопления, представляющая собой широкую кирпичную или глиняную печь-лежанку. Горячий дым из кухонной печи проходит по специальным внутренним каналам (дымоходам) внутри лежанки, нагревая её поверхность, и только после этого уходит в трубу на улице.]

Она придвинулась к самому уху Шужуя и прошептала:

— Господин У сказал: если мы станем сватами, он готов выложить огромные деньги, чтобы проложить дорогу для старшего молодого господина и выхлопотать ему чиновничью должность.

Шужуй нахмурился. Его старший брат в юности стал туншэном, но поскольку дядя был лишь учителем в частной школе, он не смог помочь ему продвинуться дальше в списках. Даже разменяв третий десяток, брат продолжал сидеть дома за книгами, так и не найдя себе никакого дела. Снаружи он казался возвышенным и утонченным ученым мужем, а внутри был лишь никчемной «расшитой подушкой».

За эти годы Шужуй навиделся таких изнеженных красавцев-книжников, что у него сложилось о них весьма предвзятое мнение.

Увидев, как изменился в лице Шужуй, матушка Ли попыталась оправдать Цзян-ши:

— Пока господин был жив, вся семья держалась на нем. Теперь он ушел внезапно, и госпожа ни днем, ни ночью не знает покоя. Если у старшего молодого господина действительно появится служба, то семье не придется так сильно беспокоиться.

Она принялась утешать Шужуя:

— Госпожа делает это ради семьи, не вини её. По мне так в семье У достаток, выйдешь замуж — всю жизнь не будешь знать нужды ни в еде, ни в одежде, жизнь там будет краше нашей. К тому же ты идешь туда законным супругом, господин У будет обязан тебе за то, что ты принес

ему это родство, да и госпожа за купленный чин для старшего брата. Разве госпожа в будущем не станет сама от тебя зависеть?

Шужуй про себя горько усмехнулся. Этот господин У пришел на поминки, и у него еще хватило совести в траурном зале высматривать себе пассию — он действительно был никудышным человеком.

Впрочем, он понимал, что слова о «заприметил» — лишь предлог. Господин У был просто похотлив, но не настолько, чтобы жениться на каждом встречном красавце. Он хотел породниться с семьей Бай просто ради их репутации и статуса в этих краях, желая воспользоваться влиянием местных землевладельцев.

Разумеется, самым надежным вариантом было бы взять в жены второго сына Бай, но он понимал, что Цзян-ши на это не пойдет. Вот она и перевела удар на него. А тётушка ради карьеры родного сына готова была пренебречь волей покойного мужа и породниться с семьей У.

Несмотря на бурю чувств в душе, он не показал этого матушке Ли.

— Если вслушаться, в этом есть смысл. Тётушка, верно, считает меня слишком маленьким, потому и объяснила всё вкратце. Я не всё понял, но теперь, послушав вас, матушка, во всём разобрался.

Шужуй сжал руку матушки Ли:

— Благодарю вас, что всё мне прояснили.

Видя, что Шужуй всё понял и не стал гневаться или скандалить, матушка Ли с облегчением выдохнула:

— Да что ты, гер. Когда в будущем окажешься в богатстве дома семьи У, надеюсь, не забудешь эту старуху.

— Разумеется.

Когда Шужуй возвращался от матушки Ли к себе, на улице уже вовсю лил дождь. Он услышал щебетание ласточек, поднял голову и увидел под карнизом гнездо с птенцами. Неизвестно когда они успели опериться и теперь уже могли вылетать из гнезда, чтобы самим добывать себе пропитание.

Шужуй довольно долго стоял под карнизом, наблюдая за ними.

—

<http://bllate.org/book/17079/1591779>